А.С. Разина

ДИАЛЕКТНЫЕ ФИТОНИМЫ В АСПЕКТЕ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИНФОРМАЦИИ

Исследуются особенности содержания и структуры этнокультурной информации, аккумулированной в среднеобских наименованиях растений. Представлена система координат, которые позволяют описать членение окружающего мира носителями диалекта посредством фиксации в фитонимах того или иного признака. Рассматриваются базовые и маргинальные этнокультурные сведения, репрезентированные в прямых и метафорических номинациях реалий мира флоры, сквозь призму которых становится видна избирательность лингвокультуры.

Ключевые слова: фитонимы; этнолингвистика; диалект; этнокультурная информация.

В настоящее время фитонимы являются одной из наиболее изученных тематических групп русского языка. Начало активного исследования наименований растений приходится на последнюю треть XX в. В эти годы выходит ряд крупных работ, посвященных описанию растительной лексики в структурно-семантическом (В.Г. Арьянова), ономастическом (Н.Д. Голев, В.В. Копчева), этимологическом (В.А. Меркулова), мотивологическом (О.И. Блинова, А.Д. Жакупова, В.А. Иванов, А.С. Савенко) аспектах. В XXI столетии все большее внимание ученых сосредоточивается на вопросах репрезентации в названиях растений различных когнитивных (А.Г. Дементьева, И.В. Лукьянова, Н.И. Панасенко, З.И. Резанова) и культурных (О.И. Блинова, Т.Н. Бурмистрова, В.Б. Колосова, Н.И. Коновалова, А.М. Летова, Е.Ю. Моисеева) феноменов.

Данная статья продолжает линию исследований, предметом которых является отражение материальной и духовной культуры в диалектной лексике, номинирующей реалии мира флоры. Проблема изучения взаимоотношений языка и культуры занимает одно из ключевых мест в современной российской лингвистике. Методы исследования корреляции языковых и культурных особенностей этноса разрабатываются многими лингвистическими направлениями, однако ведущая роль в этом вопросе принадлежит этнолингвистике. Восходя к трудам А.А. Потебни, Ф.И. Буслаева, А.Н. Афанасьева, отечественная этнолингвистика фокусируется главным образом на взаимосвязи языка (диалекта) и народной культуры.

Реалии мира флоры – одна из древнейших сфер «жизненного мира» этноса. Бытовое использование растений связано с занятиями земледелием, животноводством, промысловой деятельностью, народной медициной. Растения как составляющие духовной культуры широко задействованы в обрядовой сфере. Их образы вплетены в произведения фольклора – приметы, загадки, песни, поверья и предания. Поскольку растения в течение многих веков становились объектами многогранной познавательной деятельности, фитонимы зафиксировали в своей внутренней форме особенности культуры и менталитета русской нации.

Несмотря на очевидность наличия у диалектных фитонимов этнокультурного своеобразия, они остаются малоизученными в аспекте актуализуемой ими этнокультурной информации. Как правило, исполь-

зуя этот термин, ученые не очерчивают четких границ явлений, относящихся к кодируемым в лексике сведениям о народной культуре и ментальности. Представляется, что одной из самых проработанных является концепция Е.Л. Березович, которая акцентирует внимание на таких моментах, как: «(1) содержание и отбор, структура сведений о культуре этноса, (2) их когнитивный генезис, (3) сфера бытования, (4) способ репрезентации, (5) семиозис (источники и условия трансляции)» [1. С. 12]. Цель данной статьи – описание **содержания и структуры** этнокультурных сведений, заключенных в фитонимической лексике Среднего Приобья.

Для исследования из словаря В.Г. Арьяновой [2], достаточно полно лексикографирующего фитонимы указанного диалектного ареала, были выбраны 1 300 номинаций. Полученное подмножество состоит из разноструктурных лексических единиц – универбов (*желтушка* ‘лисичка обыкновенная’, *масляник* ‘масленок’, *сумка* ‘сумочник пастуший’), двусловных номинаций (*ветреница лесная* ‘ветреница лесная’, *горицвет кукушкин* ‘горицвет кукушкин’, *свинячье ухо* ‘колеус Блюма’) и сложных слов, компоненты которых соединены дефисом (*зима-лето* ‘бегония всегдацветущая’, *капуста-толстомятка* ‘капуста кольраби’, *мать-и-мачеха* ‘мать-и-мачеха обыкновенная’).

В соответствии с работами О.И. Блиновой, Е.А. Юриной и др., выделенные структурные типы фитонимов могут быть отнесены как к прямым, неметафорическим номинациям, у которых нет сопоставления денотата с какой-либо реальностью (*желтушка* ‘желтого цвета’, *ветреница лесная* ‘растущая на ветру’, *зима-лето* ‘цветущая зимой и летом’), так и «собственно образным языковым единицам, появившимся в процессе номинации с метафорическими составляющими» [3. С. 8] (*масляник* ‘точно покрытый маслом’, *горицвет кукушкин* ‘словно горящий / словно кукушкин’, *капуста-толстомятка* ‘будто с толстой пяткой’) и «языковым метафорам – вторичным образованиям, возникшим посредством метафоризации на основе уже существующих языковых единиц» [Там же. С. 8] (*сумка* ‘будто сумка’, *свинячье ухо* ‘подобно уху свиньи’, *мать-и-мачеха* ‘гладкая сторона листа похожа на мать, шершавая – на мачеху’).

Как известно, достигнутое лингвокультурой того или иного этноса понимание окружающей действительности отражается в языковых единицах через

призму различных координат. Какие же из них «работают» в фитонимическом поле?

1. Прежде всего следует обратиться к пространственным координатам, амбивалентным по своей сути. Пространственную сферу бытия люди издавна осмысливают через расстояние, порождающее базовую семиотическую оппозицию «далекое / близкое», однако в прямом выражении для фитонимической лексики семантика дистанции оказывается нерелевантной. Вместе с тем пространство трактуется и через его онтологические качества и освоенность. Именно «обжитость» местности обуславливает оппозицию **культурное, цивилизованное, возделанное, обустроенное, благоуханное, улучшенное / дикое, природное, нетронутое, незнакомое с человеком**. «Свое» пространство выступает как зависящее от человека, который защищает его и одновременно находится под его защитой. На данном уровне интерпретации можно заметить и рефлекс семантики расстояния.

Так, в традиционной культуре средоточием своего пространства выступает дом (домашний доктор ‘алоэ древовидное’), и затем оно представлено «периферийными» локусами, т.е. тем, что крестьянский дом окружает, – огородом (огородный желтый ‘лютик едкий’), садом (малина садовая ‘малина обыкновенная культурная’, мята садовая ‘мята перечная’, садовая ромашка ‘нивянка обыкновенная садовая’).

Удаленная от дома «чужая», дикая, не знающая заботы человека местность нередко враждебна ему. И степень этой антагонистичности нарастает по мере удаления от дома. Народные фитонимы отсылают и к этим локусам – к полю (полевой лук ‘лук дикорастущий’), лугу (дуговая душица ‘душица обыкновенная’), болоту (болотная лилия ‘кувшинка белая’), воде (водной перец ‘горец перечный’) и лесу (гвоздика лесная ‘гвоздика пышная’). Однако особенно часто принадлежность к «чужому» пространству выражается с помощью определения *дикий*, ‘растущий на свободе, в отличие от садового, огородного’ (*дикая гвоздика* ‘гвоздика-травянка’, *дикая морковка* ‘всё ядовитый’, *дикий огурец* ‘эхиноцистис лопастный’, *дикая сирень* ‘таволга розовая’). Во всех подобных фитонимах лингвокультурой маркируется не столько среда обитания растений сама по себе, сколько ее оценка как не зависящей от человека и, соответственно, покрытой никем не культивируемой растительностью.

2. Прагматические координаты в диалектных наименованиях растений, по нашим наблюдениям, оказываются представленными дискретно и, следовательно, выстраиваются в более разнообразные оппозиции.

Оппозиция **полезное / вредное** связана со свойствами растений излечивать / вызывать болезнь. В большинстве случаев принадлежность к тому или иному полюсу эксплицируется посредством отсылки к номинационному признаку фитонима, поскольку во внутренней форме лексемы в обоих случаях заключено название определенного недуга. Они хорошо соотносятся носителями говоров. Приведем характерные контексты, взятые из словаря В.Г. Арьяновой [2], который увенчал пять десятилетий поиска и сбора среднеобской фитонимики. Записи свидетельствуют

об актуальности для носителей говоров внутренней формы слов: *бородавник* ‘чистотел большой’ – *бородавки сводит* [2. Т. 3. С. 51]; *геморройная трава* ‘горец почечуйный’ – *применяется при геморрое* [Там же. Т. 1. С. 61]; *грызня трава* ‘звездчатка-мокрица’ – *если прикладывать к больному месту – грызня проходит* [Там же. С. 89]. Полюс «полезное» может быть также представлен метафорическими наименованиями: *богородская трава* ‘тимьян обыкновенный’, *дохтур* ‘алоэ древовидное’. Другой полюс проявлен в основании номинации *болиголовка* ‘болиголов пятнистый’ – *если ее много нюхать будешь, то голова разболится* [Там же. С. 37].

Если в фитониме *дохтур* метафора прозрачна, то функционирующие в говорах варианты метафорического названия *богородская трава*, *богородная трава*, *богородица* следует прокомментировать подробнее. В народной культуре Мать Божия выступает защитницей людей и животных от разного рода напастей. В крестьянских представлениях, в отличие от трактовки церкви, Богородица оказывается более земной фигурой, включенной в бытовую жизнь человека [4]. Рассказывая о богородской траве, носители диалекта акцентируют лекарственные свойства растения: оно способно исцелять, словно заступница рода человеческого: *Это богородская трава. Эта трава лечебная. Рвут ее в июне, но можно и в июле. Из нее делают отвар и прикладывают на больное место*; [2. Т. 2. С. 144]. *Богородская трава – когда оморозки бывают. Она сиреневым цветом на склонах. Пахнет церковным ладаном* [Там же]. Данное растение применяют и для лечения скота, облегчения отека: *А богородская трава, она сильно хороша, она от нервов успокаивает, эта сама богородская трава. А раньше рвали, знаешь, по-христьянски, корова телится, подкуривали корову* [Там же]. Красноречив тот факт, что синонимическими названием тимьяна обыкновенного являются фитонимы *земляной ладан*, *земной ладан* (*Земной ладан, привяжешь его, тоже легче становится* [Там же]). И здесь номинационный признак вновь отсылает к известному полезным свойствам и связанному с религиозным культом объекту.

Оппозиция более низкого ранга **съедобное / несъедобное** может актуализоваться универбами типа *сыроежка* ‘сыроежка’. Вместе с тем чаще всего ее воплощает определение в двусловных фитонимах. Оно способно прямо отсылать к пищевому назначению растения (*борщевая крапива* ‘крапива обыкновенная’), однако преимущественно в данной роли выступает оценочное прилагательное *настоящий*, в значении ‘подлинный, истинный’, которое косвенно характеризует полюс «съедобное»: *лисички настоящие* ‘лисичка обыкновенная’, *настоящий опенок* ‘опенок настоящий’. Противопоставляемый признак *ложный* (*опенок*, *лисичка*) уравнивается с признаками *ядовитый* (*опенок*), *поганый* (*гриб*), свидетельствуя о принадлежности растения к несъедобным объектам.

На этом фоне оппозиция **опасное / безопасное** отличается некоторой спецификой. Если описанные выше противопоставляемые полюса маркированы лингвокультурой практически равномерно, то в данном случае языковое воплощение чаще получает один

из них. Как правило, фитонимы, отражающие семантику опасного, вербализуют прямые последствия контактов живых существ с именуемой реалией (*бешеная трава* ‘белена черная’, *дурман-трава* ‘дурман обыкновенный’) или связывают растение с потенциальной угрозой, исходящей от нечистой силы (*чертовы полоски* ‘рогоз широколистный’), а также от представителей фауны, символизирующих в народной культуре враждебный человеку мир, напасти, болезни, дурные вести, смерть (*волчья ягода* ‘волчник обыкновенный’, *воронья ягода* ‘вороний глаз’) [4, 5].

Здесь вновь необходимо отметить важность обращения к метаязыковому сознанию носителей диалекта, поскольку прилагательное *чертов* может актуализовать как ЛСВ₁ ‘обладающий свойствами нечистой силы’: *чертовы палочки* ‘рогоз широколистный’ (*Рябятишки камыш принесли домой, так ведь мама его выкинула. «Нельзя, – говорит, – домой чертовы палочки приносить, темная сила возьмет власть над нами, и дома одни несчастья будут». А мы любили его на пух теребить* [2. Т. 2. С. 108].), так и ЛСВ₂ ‘прогоняющий черта’: *чертова трава* ‘лопух войлочный’ (*Раньше его называли чертова трава. Потому что... против черта как бы использовался. В стайке ложили, чтобы черт не заводился, чтобы скотина велась* [Там же. С. 34]). В последнем случае номинация отражает уже полюс «полезное».

Очевидно, что представленное выше разделение прагматических координат не свободно от некоторой доли условности, поскольку категория прагматизма весьма широка: польза усматривается человеком не только в помощи при лечении недугов, но и в пищевой пригодности («съедобное»), и в надежности или безвредности («безопасное»). Таким образом, полюс «вредное» не может не пересекаться с полюсами «несъедобное», «опасное». Подобные «наложения» полюсов, впрочем, допускают объединение не трех, а двух семантических компонентов. Так, диалектное название плюща обыкновенного *мужегон* порождено поверьем о магических свойствах растения, его способности выгонять, выживать из дома мужей: *Мужегон, это вьюнок такой, листья как кленовые, только меньше, говорят, мужиков из дома гонит, дома его держать нельзя. А мне все равно: мужика-то нету* [Там же. С. 84]. Следовательно, перед нами пример номинации, объединяющей полюса «вредное» и «опасное».

3. **Эстетические координаты.** В данном случае речь идет о об оппозиции **красивое, привлекательное, прекрасное / некрасивое, уродливое, безобразное**.

Народные представления о красивом воплощаются в фитонимах довольно часто. Несмотря на, казалось бы, регулярное прагматическое использование растений в хозяйственной сфере, медицине, диалект в равной степени отражает и утилитарный, и эстетический взгляд на мир флоры. Положительный полюс рассматриваемой оппозиции вербализован посредством разнообразных лексических единиц. Так, представление о красоте наряда вступающей в брак девушки воплощено в универбе *невеста* ‘колокольчик ломкий’.

Двусловные фитонимы позволяют говорить о трех вариантах экспликации эстетического восприятия

растения. Иногда ее способен нести только один словесный компонент. Так, например, в фитониме *ночная красавица* ‘ночная красавица’ эстетическое начало отражено в слове *красавица*, а определение *ночная* является фактом темпоральной привязки. В другом двусоставном наименовании характеризуемый полюс репрезентирован в ключевом определении: *календула-красота* ‘календула лекарственная’. В номинации *казак-трава* ‘горечавка крупнолистная’ компонент *трава* оказывается всего лишь обозначением таксономического ранга, а представление о внешней привлекательности, стати сосредоточено в компоненте *казак*. В ряде же случаев народное представление о прекрасном отражают обе части фитонима: *девичья красота* ‘колокольчик ломкий’, *девичьи щечки* ‘травянистое растение?’, *царевы очи* ‘подсолнечник обыкновенный’.

В дискурсивной практике носители диалекта подчеркивают свое эстетическое восприятие растений, насыщая их описание различными образными средствами: *Цветочек есть у меня еще невеста. Эти цветочки у меня в горшочках подвешены. И вот невеста. Небольшие листочки. И все усыпано белыми цветочками. Действительно, как нарядная невеста. Как вот моя внучка на свадьбе была. Это невеста* [2. Т. 1. С. 128]. Зачастую контексты актуализации раскрывают народно-поэтическое видение даже тех растений, в названиях которых семантика эстетического отсутствует: *Гвоздика бывает еще, растет у нас на полях, полевая* <...>. *Она такая высокая, листочки у нее такие узенькие-узенькие. Цветочки у нее такие бывают розовенькие, мохнатенькие-мохнатенькие по краям, очень такой пушистый-пушистый, такой красивый он бывает* [Там же. С. 57]. Безусловно, некоторые высказывания, включая эстетически маркированные фитонимы, выявляют лишь прагматическое отношение к растению: *Казак-трава лечебная* [Там же. С. 61].

Что касается полюса некрасивого, то он вербализован примерами типа *чертова борода* ‘папоротник мужской’, которые настолько редки, что могут считаться единичными. Такое положение дел прокомментируем особо: еще Р.О. Якобсон отметил, что система языка основана «на противопоставлении некоторого факта ничему», т.е. маркированный языковой знак указывает на наличие некоего признака, а немаркированный (нулевой) не указывает ни на наличие признака, ни на его отсутствие [6]. Иными словами, языковое воплощение получает положительный признак (привлекательность), и неотмеченным остается ее отсутствие.

Кроме описанных координат, можно выделить те **базовые** сведения об объектах растительного мира, которые чаще всего интересуют лингвокультуру, и она обращает на них пристальное внимание. К ним следует причислить: (а) место произрастания: *подберезовик* ‘подберезовик обыкновенный’, *полевая полынь* ‘полынь горькая’; (б) внешний вид: *аленький цветочек* ‘адонис весенний’, *тролист* ‘вахта трехлистная’; (в) особенностях жизнедеятельности: *зима-лето* ‘бегония всегдацветущая’, *ползунец* ‘подмаренник цепкий’; (г) запах: *вонючка* ‘вонючка обыкновен-

ная', *душистая ромашка* 'ромашка дисковидная'; (д) вкус: *кислятник* 'щавель малый', *сладкая трава* 'астралгал датский'. Подобные сведения могут оязыковаться двумя способами – через прямые и метафорические наименования. Например, номинационный признак горького вкуса в диалектных синонимичных фитонимах выражен и прямо (*попынь горькая*), и опосредованно (*вдовья трава*) (последнее название приравнивает вкус растения к горькой участи потерявшей мужа женщины). Вполне очевидно, что более ценными в аспекте изучения ментальности этноса оказываются метафоры, актуализующие ассоциативный слой, который и раскрывает своеобразие народного мирознания.

Метафорические наименования растений включают в себя информацию не только о флоре (через номинационный признак), но и о других сферах (через ассоциативное опосредование). Это сведения о человеке и его «жизненном мире» (*анютины глазки* 'фиалка трехцветная', *лук-семейка* 'лук-шалот', *солдатик* 'подберезовик обыкновенный'); религиозной сфере (*адамов корень* 'пион уклоняющийся', *ангеловы крылышки* 'бегония королевская', *богородица* 'тимьян обыкновенный'); фауне (*гусынка* 'чина весенняя', *клоповник* 'клоповник обыкновенный', *собачьи ротки* 'ленник обыкновенный'); неорганической природе (*дымка* 'аспарагус перистый', *звезданка* 'вербейник обыкновенный', *снежинка* 'колокольчик ломкий'); артефактах (*граммофончик* 'гloxиния', *матрешка* 'свинushка тонкая', *сережки* 'фуксия') и т.д.¹ Е.Л. Березович относит сведения, связанные со сферой-источником, к **небазовым**, маргинальным [1. С. 14], поскольку они не могут описать ту или иную область мироздания во всей ее полноте. Тем не менее небазовая информация представляется нам иногда даже более интересной с исследовательской точки зрения, так как сама ее передача посредством многочисленных информационных каналов подчеркивает ее ценность для лингвокультуры.

Каждая из перечисленных выше сфер мироустройства, с объектами и явлениями которой сопоставляются реалии растительного мира, сегментирована лингвокультурой на более узкие предметные области. Так, небазовая для фитонимических единиц информация, описывающая человека, характеризует его с самых разных сторон.

Например, в среднеобских говорах широко распространены номинации растений с соматизмами в качестве образных источников: *бордоголовка* 'кровохлебка лекарственная', *красноножка* 'травянистое растение ширица колосистая', *рука-трава* 'ятрышник шлемовидный', *синеглазка* 'сорт картофеля', *язык 'монстера'* превосходная' и т.д. Такие фитонимы обнаруживают наш «антропометричный» взгляд на окружающий мир, уравнивающий представления о строении растений и человеческого тела.

Другой устойчивой сферой-донором для метафорических названий растений выступают имена собственные: *аверьянова трава* 'купальница азиатская', *анютка* 'фиалка трехцветная', *алёнка* 'барвинок малый', *иван болотин* 'лабазник вязолистный', *маланья* 'свинushка тонкая', *тимофей* 'тимopheевка луговая'.

Использование в качестве образного источника антропонима вновь свидетельствуют об «очеловеченности» растительного мира в сознании носителей диалекта. Взгляд на растения как на сущность, обладающую сходным с человеком началом, подтверждается и другими фактами народной культуры. Так, Н.И. Толстой [7] описал некоторые хороводные песни, загадки, тексты, сопровождающие народные игры, масленичные гуляния, а также охранительные ритуалы, которые включают мотивы «жития» культурных растений и злаков (ржи, льна, конопли, мака) и изображение полноты их жизненного пути, увенчанного «муками» и «страданиями» при переработке.

Одной из отличительных черт русского менталитета, регулярно проявляющихся в языке, называют эмоциональность. По мнению А. Вежбицкой, для русской лингвокультуры характерны «активные» [8. С. 42], несдерживаемые эмоции. Народная фитонимическая традиция подтверждает данное наблюдение. В приведенных ниже номинациях мы встречаемся с разнообразием образных отсылок к сфере человеческих эмоций: *зимолубка* 'зимолубка зонтичная', *злюча крапива* 'крапива малая', *кручина* 'ива козья', *мамыны слезы* 'ирис (касатик-узик)', *недотрога* 'бальзамин не-тронь-меня', *неженка* 'скабиоза бледно-желтая', *плакун-трава* 'дербенник иволистный', *потоскуйка* 'смолёвка поникшая'.

В ряде номинаций отражено стереотипное представление культуры о женской разговорчивости, переходящей в болтливость, злоязычные пересуды и сплетни: *бабий язык* 'эпифиллум', *тёщин язык* 'зигокактус', *бабски сплетни* 'традесканция'.

Образные фитонимы и фитоморфони́мы содержат языковое воплощение сведений о традиционных для крестьянской жизни занятиях или знакомой профессиональной деятельности (*ворожейка* 'нивянка обыкновенная', *пастушок* 'хвощ полевой', *попы* 'маслята', *солдатик* 'продолговатый колос – соцветие подорожника'), некоторых званиях (*майор* 'цинния изящная', *ченцион* 'шампиньон обыкновенный') и сословиях (*княгиня* 'смородина белая', *царь-трава* 'чертополох курчавый'), в том числе культурно-исторически специфичных (*боярышница* 'боярышник кроваво-красный', *казачок* 'горечавка крупнолистная', *купчиха* 'бальзамин железконосный'), системе родственных отношений (*брат с сестрой* 'зопник клубненосный', *жених* 'колокольчик равнолистный', *дружная семейка* 'аспидистра', *мать-и-мачеха* 'мать-и-мачеха', *невеста* 'колокольчик ломкий', *холостяцкая трава* 'ковыль перистый), гендерных и возрастных характеристиках (*женский тысячелистник* 'тысячелистник обыкновенный', *мужской тысячелистник* 'тысячелистник обыкновенный', *девичья красота* 'колокольчик ломкий', *дед* 'татарник обыкновенный', *бабка* 'белый гриб'), других народах (*африканка* 'картофеля сорт', *татарин* 'чертополох курчавый', *цыганка* 'картофеля сорт').

В фитонимах метафорически закрепляются такие важные с бытийной точки зрения понятия, как смерть и сон: *бессмертник* 'кошачья лапка двудомная', *сон-трава* 'прострел широкоцветный'.

Отметим, что показательной является не только идеографическая классификация образных источни-

ков сама по себе, но и неравномерность реализации в рамках этой классификации однопорядковых ассоциативных признаков. Выбор в качестве источника метафорической номинации того или иного отсылочно-го образа, несомненно, свидетельствует о его весомости в данной лингвокультуре.

Положение Р.О. Якобсона о важности не только наличия знака, но и его отсутствия оказывается применимым и к метафорической лексике. Так, если рассматривать модель метафорического переноса «обряд → растение», то в номинациях растений в качестве образ-источника востребован лишь один – самый значимый для любой традиционной культуры ритуал перехода, который узаконивает появление новой семьи. Это – вступление в брак, которое называется в диалектах *свадьбой, венчанием, женитьбой*. Данный ритуал является источником метафоризации для известных в среднеобских говорах названий колокольчика ломкого – *венчальный цвет* и *бабья свадьба*. Вместе с тем отсутствуют названия растений, связанные с другими обрядами перехода – рождением, крещением, погребением и т.д.

Асимметрия культурных кодов, шифрующих тематически однородные данные, по отношению к знакам-носителям отмечена в работах Н.И. Толстого, С.М. Толстой, Т.В. Цивьян, Е.Л. Березович, В.А. Плунгян, Е.В. Рахилиной. Рассмотрим избирательность лингвокультуры в тех сферах мироустройства, с объектами которых сравниваются растения.

Например, распространенными единицами-источниками зооморфных фитонимов выступают названия ряда млекопитающих животных: баран (*баранчики* ‘козлотородник восточный’, *бараны рожки* ‘козлотородник сибирский’), волк (*волчий глаз* ‘вороний глаз’, *волчья дудка* ‘дудник лесной’), заяц (*заячьи ушки* ‘медуница мягчайшая’, *заячья банька* ‘дождевик’), коза (*козелец* ‘козлотородник сибирский’, *козьи рожки* ‘черда трехраздельная’), корова (*коровий грудь* ‘свинуха тонкая’, *коровьи хвосты* ‘скерда сибирская’), кошка (*кошачьи лапки* ‘кошачья лапка двудомная’, *кошка* ‘подмаренник Вайланта’), медведь (*медвежье мыло* ‘горицвет татарское мыло’, *медвежье ухо* ‘толокнянка обыкновенная’), мышь (*мышья репка* ‘астрал датский’, *клевер мышьяный* ‘клевер белый’), свинья (*свинка* ‘свинуха тонкая’, *свиньячье ухо* ‘колеус Блюма’), собака (*собачки* ‘подмаренник цепкий’, *собачья старость* ‘свидина белая’). Перечисленные зооморфные образы привлекаются регулярно. Единично встречаются наименования растений, закрепляющие сравнение с байбаком (*байбаков колодец* ‘ленник обыкновенный’), быком (*бычок* ‘валуй’), ежом (*ежиха* ‘ежа сборная’), конем (*конский чай* ‘щавель конский’), лисой (*лисохвостка* ‘лисохвост луговой’). В нулевой позиции находится соот-

несение растений с барсуком, белкой, бобром, кабаном, лосем, рысью, соболем, хорьком, также обитающими в ареале бытования исследуемого диалекта.

Избирательность лингвокультуры – иными словами, ее направленность или своеобразие – можно проследить в выборе не только метафорического источника, но и номинационного признака. Например, среди образных названий аспидистры в говорах Среднего Приобья встречаются варианты *дружная семейка, дружная семья* и *папираса, папироска*. Обратимся к основаниям этих синонимических наименований. Для первой пары фитонимов номинационным признаком является хорошая способность разрастаться: *Цветок дружная семейка растет, он корнем размножается, не очень высокое растение, но очень густо разрастается* [2. Т. 1. С. 23]. Вторая пара названий базируется на признаках длины листьев и окраски цветка: *Папираса еще была красная, как огонек, как точно как папираса расцветает. Длиненька, хорошая* [Там же]. Как видим, динамическая характеристика, связанная с разрастанием ползучего корневища, остается без внимания. При этом «ползучесть» приписана названиями ряду других растений: *ползун* ‘горошек однопарный’, *ползунец* ‘подмаренник цепкий’, *ползун* ‘люцерна серповидная’, *поползунчик* ‘гороха сорт’, *поползуха* ‘плаун-зеленица’.

В то же время и один номинационный признак может получать вариативную реализацию с точки зрения его образного воплощения. Все диалектные среднеобские названия башмачка настоящего по-разному репрезентируют один и тот же признак формы цветка: *башмачок, баранчик, бараны мудишки, бараны яйца, кошачьи мудишки, мудишки, кукушкин рукомойничек, кукушкин умывальничек*.

Итак, структура этнокультурной информации в фитонимах задается, во-первых, в виде системы оппозитивных координат, отражающих специфику рационального, эмоционально-эстетического, ценностного, образного восприятия растений носителями диалекта. Во-вторых, этнокультурные данные, зашифрованные в фитонимах, могут быть разделены на базовые, описывающие мир флоры в его основополагающих параметрах, и небазовые, аккумулирующие представления о других сферах мироустройства. Как прямые, так и метафорические номинации реалий мира флоры демонстрируют наличие в ряду однородных и противопоставленных признаков культурно отмеченных явлений и определенных лакун. Перспектива дальнейшего исследования видится в более детальном анализе асимметричной избирательности лингвокультуры в отношении оязыкования тематически близких сведений, а также в изучении более широкого круга параметров, описывающих этнокультурную информацию.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹В фитонимах, в которых одно растение уподобляется другому (*гороховое дерево* ‘акация желтая’, *елочка* ‘спаржа обыкновенная’, *свекольник* ‘ширица колосистая’), и номинационный признак, и отсылочный образ связаны с миром флоры.

ЛИТЕРАТУРА

- Березович Е.Л. Топонимия Русского Севера: Этнолингвистические исследования. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1988. 338 с.
- Арьянова В.Г. Словарь фитонимов Среднего Приобья : в 3 т. Томск : Изд-во Том. пед. ун-та, 2006–2008. Т. 1–3.

3. Блинова О.И., Разина А.С. Двусловные фитонимы в лингвокультурологическом освещении // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2011. № 1. С. 5–10.
4. Славянские древности : Этнолингвистический словарь : в 5 т. / отв. ред. Н.И. Толстой. М. : Междунар. отношения, 1995. Т. 1. 578 с.
5. Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу: Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов : в 3 т. 2-е изд. М. : Академический проект, 2015. Т. 1. 479 с.
6. Якобсон Р.О. Нулевой знак // Избранные работы. М. : Прогресс, 1985. С. 222–230.
7. Толстой Н.И. Vita herbae et vita rei в славянской народной традиции // Славянский и балканский фольклор: Верования. Текст. Ритуал / отв. ред. Н.И. Толстой. М. : Наука, 1994. С. 139–168.
8. Вежицкая А. Русский язык // Язык. Культура. Познание. М. : Русские словари, 1997. С. 33–88.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 1 июля 2019 г.

Dialect Phytonyms in Terms of Ethnocultural Information

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 451, 40–45.

DOI: 10.17223/15617793/451/6

Anastasiya S. Razina, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: razina-anastasia@yandex.ru

Keywords: phytonyms; ethnolinguistics; dialect; ethnocultural information

The article discusses the folk phytonymic tradition represented in the lexis of the Middle-Ob dialect. The material includes plant names, which are different in structure: one-word nominations, two-word nominations, and compound words spelled with a hyphen. There are direct non-metaphorical names, figurative names proper, and language metaphors within each type of lexical units. The aim of the study is to reveal structural and content-related features of the ethnocultural information actualized by dialect phytonyms. The analysis allowed revealing the system of semantic coordinates representing features of the plant world perception by speakers of the national linguaculture. These coordinates are arranged in the form of semantic oppositions. As for the spatial coordinate, the most important opposition is the “familiarity” or “foreignness” of a place where certain flora objects grow. Places and plants growing in them are considered to be cultural and cultivated or wild and natural. The pragmatic coordinate is connected with several oppositions. Phytonyms express the ability of a plant to heal or cause ailments (“helpful”/“harmful”); to threaten, to be a guide of the world hostile to people or not to carry any threat (“dangerous”/“safe”); to be suitable for eating or not (“edible” / “inedible”). The aesthetic coordinate is represented by the opposition “beautiful”/“ugly”. The analysis found out an uneven verbalization of the opposition poles. For instance, the pole “dangerous” has a linguistic expression in the dialect phytonyms, while the pole “safe” remains unmarked, although the similar pole “edible” is represented in plant names. “Beautiful” is represented by a wide range of names, whereas “ugly”, as a rule, remains unnoticed. The ethnocultural information, which is basic for the phytonymic field, is identified and described in the article. The information concerns the place of vegetation, physical appearance, characteristics of vital activities, smell, and taste. These features can be reflected in both direct and metaphorical names of plants. Most of dialect phytonym metaphors embody the donor sphere “human”. The information encoded in them covers almost all facets of human existence: the structure of the organism, social characteristics (professions, estates, kinship relationships, sex, age), emotions, names, etc. The study of anthropomorphic names of plants showed that the linguaculture is also selective with regard to fixing thematically homogeneous data in the internal form of phytonyms. It is manifested in (1) the choice of the nominative sign from a number of equivalent properties of the plant and (2) the filling of metaphorical models with specific reference images, some of which are used frequently, others occur rarely or never. Thus, elements of the phytonymic field accumulate important features of national mentality.

REFERENCES

1. Berezovich, E.L. (1988) *Toponimiya Russkogo Severa: Etnolingvisticheskie issledovaniya* [Toponymy of the Russian North: Ethnolinguistic Studies]. Yekaterinburg: Ural State University.
2. Ar'yanova, V.G. (2006–2008) *Slovar' fitonimov Srednego Priob'ya: v 3 t.* [Dictionary of Phytonyms of the Middle Ob Region: In 3 Vols]. Tomsk: Tomsk State Pedagogical University.
3. Blinova, O.I. & Razina, A.S. (2011) Two-Word Phytonyms in Linguacultural Aspect. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedenie – Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History*. 1. pp. 5–10. (In Russian).
4. Tolstoy, N.I. (ed.) (1995) *Slavyanskije drevnosti: Etnolingvisticheskiy slovar': v 5 t.* [Slavic Antiquities: Ethnolinguistic Dictionary: In 5 Vols]. Vol. 1. Moscow: Mezhdunar. otnosheniya.
5. Afanas'ev, A.N. (2015) *Poeticheskie vozzreniya slavyan na prirodu: Opyt sravnitel'nogo izucheniya slavyanskikh predaniy i verovaniy v svyazi s mificheskimi skazaniyami drugih rodstvennykh narodov: v 3 t.* [Poetic Views of the Slavs on Nature: The Experience of a Comparative Study of Slavic Traditions and Beliefs in Connection With the Mythical Legends of Other Kindred Peoples: In 3 Vols]. 2nd ed. Vol. 1. Moscow: Akademicheskij proekt.
6. Jacobson, R.O. (1985) *Izbrannye raboty* [Selected Works]. Moscow: Progress. pp. 222–230.
7. Tolstoy, N.I. (1994) Vita herbae et vita rei v slavyanskoy narodnoy traditsii [Vita Herbae et Vita Rei in the Slavic Folk Tradition]. In: Tolstoy, N.I. (ed.) *Slavyanskiy i balkanskiy fol'klor: Verovaniya. Tekst. Ritual* [Slavic and Balkan Folklore: Beliefs. Text. Ritual]. Moscow: Nauka. pp. 139–168.
8. Wierzbicka, A. (1997) *Yazyk. Kul'tura. Poznanie* [Language. Culture. Cognition]. Moscow: Russkie slovari. pp. 33–88.

Received: 01 July 2019